

**Секция 1. ФЕНОМЕН
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
В XXI ВЕКЕ**

УДК 337.147:004.773.5

Л. М. Андрюхина

L. M. Andryuhina

**Перспективы социально-профессиональной
мобильности в контексте инновационных изменений
образовательного ландшафта**

**Prospects for social and occupational mobility
in the context of innovative educational landscape changes**

***Аннотация.** Обосновывается необходимость взаимообусловленного развития новой информационно-технологической платформы образования массовых открытых он-лайн курсов (МООС) и ее антропологических оснований. По мнению автора, от этого будет зависеть расширение доступности образования для тех слоев населения и тех точек планеты, где малодоступным является традиционное образование, а, следовательно, и повышение уровня социально-профессиональной мобильности.*

***Abstract.** The article explains the necessity of interdependent development of the new information technology platform of education (MOOC) and its anthropological bases. This will depend on the expansion of access to education for those segments of the population and those places on the planet where traditional education is inaccessible and therefore will (or not) increase the level of social and occupational mobility.*

***Ключевые слова:** социально-профессиональная мобильность, образовательный ландшафт, новая технологическая платформа образования, массовые открытые он-лайн курсы (МООС), «культура значения», «культура присутствия», технологии телеприсутствия, антропологические основания образования.*

***Keywords:** social and occupational mobility, the educational landscape, a new technology platform of education, massive open online courses (MOOC), «culture of values», «culture of presence», telepresence technology, anthropological bases of education.*

Важнейшим фактором социально-профессиональной мобильности является образование. Трендом инновационных изменений в мировом образовательном ландшафте сегодня становится развитие новых информационных платформ, обеспечивающих небывалые ранее возможности доступа к знаниям и образованию. «На наших глазах формируется новое образовательное пространство, масштабы и потенциал которого дают основания говорить о наступлении новой эры в развитии образования – эпохи «гринфилда», которая может привести не только к возникновению многомиллиардных образовательных бизнесов, но и к трансформации традиционной системы образования» [4, с. 21]. К новой технологической платформе образования, обеспечивающей новые форматы обучения относят *массовые открытые он-лайн курсы, так называемые MOOC* (от англ. *Massive Open On-line Courses*), *системы управления учебным процессом, LMS* (от англ. *Learning Management Systems*), *экосистему поддержки нового образования*, состоящую из «фабрик» по производству нового образовательного контента; *новую инфраструктуру образования*, открывающую «физический» доступ для миллионов людей к новым образовательным возможностям (компьютерам, планшетам и смартфонам, модернизированным образовательным учреждениям и специальным «co-learning» центрам, которые еще предстоит создать) [4, с. 23].

С развитием нового формата образования связывают, прежде всего, перспективы повышения уровня социально-профессиональной мобильности. Само появление новых платформ образования, проектов типа EdX или Coursera можно рассматривать как реакцию на повышенный спрос на элитарное образование. «Средний класс в развивающихся странах становится все более значимой частью общества, а это значит, что миллионы людей по всему миру испытывают реальную потребность в высококачественном образовании. Однако ведущие университеты мира не успевают за спросом на образование такого уровня. Так, например, Гарвард принимает только около 6 % от подавших заявки на обучение, при том, что около 80 % абитуриентов формально подходят под критерии университета... Поэтому для большинства мотивированных студентов со всего мира массовые он-лайн курсы становятся реальной альтернативой традиционным образовательным программам в получении новых знаний и освоении новых специальностей» [4, с. 29].

Однако инновационные курсы MOOC находятся на данный момент только в начальной стадии своего развития, и сегодня далеко еще не в пол-

ной мере подтверждают существующие на их счет прогнозы. В частности, можно считать неоправдавшимися ожидания в реализации главной цели — расширении доступности образования для тех слоев населения и тех точек планеты, где малодоступным является традиционное образование. Группа исследователей из Университета Пенсильвании (University of Pennsylvania), возглавляемая Иезекиэлем Эмануэлем, проректором по глобальным инициативам, провела интернет-опрос около 35 тыс. студентов, обучающихся на одном из 32 курсов вуза. Исследование выявило, что студенты МООС в подавляющем большинстве уже имеют образование (высшее или среднее) и работу. По данным исследования, 83 % из опрошенных представителей всех рассматриваемых географических регионов имеют образование выше среднего, полученное в течение 2–4 лет после среднего. Исследователи отмечают, что, несмотря на глобальную цель провайдеров МООС способствовать общедоступности образования для населения Земли, картина по результатам исследования не демонстрирует высокое число пользователей, для которых традиционное получение образования является малодоступным, среди студентов МООС [6].

На наш взгляд, эти выводы не случайны и причины таких показателей кроются в существующих проблемах организации МООС. Дело в том, что для любого человека, а тем более для тех категорий людей, которые впервые приступают к получению профессионального образования, особенно важно формирование ценностно-смысловых и ценностно-мотивационных оснований образовательной деятельности. А эти структуры формируются главным образом в контексте живого человеческого общения, в конкретном социальном и профессиональном сообществе, или в непосредственном педагогическом взаимодействии педагога и студента (как это происходит в традиционном обучении). Люди, уже имеющие высшее (или среднее) образование, работу, обладают, как правило, и уже сформированными ценностно-смысловыми установками на дальнейшее образование. Поэтому их число среди обучающихся на МООС является преобладающим.

Организация МООС, вместе с тем, стремительно вытесняет присутствие реального человека из многих ситуаций общения. Так, если еще в 1990-е гг. он-лайн курсы строились на том, чтобы обеспечить участникам возможность непосредственного контакта с преподавателем, то стремительно развивающиеся по всему миру МООС «не предполагают такой возможности, так как ни один человек физически не сможет полноценно общаться с десят-

ками тысяч студентов. В этих условиях определяющим фактором успешности курса является его дизайн: курс должен быть спроектирован так, чтобы студент смог освоить материал без участия преподавателя» [5].

Но именно этот отказ от участия преподавателя представляет собой, на наш взгляд, тупиковую стратегию, которую стараются так или иначе обойти и сами провайдеры курсов. Недостаток интерактива является серьезной проблемой, и провайдеры вместе с создателями MOOC пытаются ее решить, предлагая как гибридные модели (студенты изучаются MOOC и обсуждают их в группах самостоятельно), так и банальный найм самых успешных учеников на роли модераторов дискуссий. Не найдено пока форм обучения, которые позволят полноценно заменить семинары, поэтому сейчас провайдеры MOOC пытаются преобразовать обсуждение в реальных группах в виртуальное обсуждение, но обмен идеями в них зачастую малоэффективен» [3]. Сам факт того, что при прохождении MOOC студенты часто стихийно начинают объединяться в сообщества в онлайн-среде и в группы, встречающиеся в реальной жизни, для того чтобы помочь друг другу в обучении, является ответом компенсаторного характера на дефицит в MOOC живого человеческого общения этой столь недооцененной сегодня привилегии традиционного образования.

На наш взгляд, успешность развития новой информационной технологической платформы образования будет зависеть от того, насколько удастся осуществить переход в ее стратегических установках от «культуры значения» к «культуре присутствия». В контексте размышлений Ханса Гумбрехта (известного германо-американского литературоведа, теоретика культуры, профессора Стэнфордского университета) процесс информатизации образования можно обозначить как крайнее выражение картезианского распада мира и человека, когда вся полнота человеческого существа и существования стягивается в «человеческую фигурку» и эта «человеческая фигурка, эксцентрически размещенная по отношению к миру, есть чисто интеллектуальное, бестелесное существо... единственная функция, которая ей назначена, — быть наблюдателем мира...» [2, с. 37]. Этот исследователь в своей книге «Производство присутствия: чего не может передать значение» называет такую форму позиционирования человека «культурой значения». Современная виртуальная повседневность, где вездесущность технологий коммуникации устраняет из существования пространство, а присутствие мира сокращается до присут-

ствия на экране, порождает, по Гумбрехту, «стремление наладить экзистенциальную близость с измерением вещей» [2, с. 87].

Образование – особая сфера коммуникации. В ней представлены не только процессы передачи информации. Наряду с этим в ней всегда важен момент присутствия. Присутствие яркой личности становится катализатором событийности, когда процесс обучения перестает быть простой формой передачи знаний, но становится интеллектуальным и личностным событием.

Начиная с XX столетия, можно отметить, с одной стороны, актуализацию внимания к проблеме присутствия в философской литературе (М. Хайдеггер, У. Эко, Ж. Л. Нанси, Ж. Деррида, Х. Гумбрехт и др.), а с другой стороны – появление нового ментального поля осмысления феномена «присутствия», формирующегося в рамках активно развивающихся исследований в области телекоммуникационных технологий «телеприсутствия».

Именно технологии телеприсутствия, развитие которых является другим активным трендом [1], могут стать основой решения многих проблем организации МООС.

Переход на новый уровень освоения информационных технологий в образовании подтверждает необходимость сохранения и передачи в информационных каналах коммуникации всей полноты человеческих размерностей, которые сегодня находят выражение в емком понятии «присутствие». Концепции присутствия становятся неотъемлемой составляющей становления новой информационной технологической платформы – технологий телеприсутствия. Исследователи М. Ломбард и Т. Дитон выделяют шесть различных концептуальных представлений о присутствии: присутствие как социальное богатство, присутствие как реализм, присутствие как транспорт (перенесение в другое место и время), присутствие как погружение (иммерсивность), присутствие в качестве социального субъекта в среде и присутствие среды как социального субъекта [5].

Исторически процессы объективации знаний (отчуждения их от человека) и их субъективации (антропоморфизации, присвоения человеком) всегда были взаимосвязаны. И большая иллюзия считать, что информатизация образования, наконец-то, сделает знания доступными для освоения без участия Человека (педагога, преподавателя, воспитателя, наставника, тьютора и т. д.) как посредника. Х. Гумбрехт, размышляя о роли масс-медиа и современных информационных технологий, пишет, что «не может быть сомнений, что большинство курсов, предназначенных только для пе-

редачи стандартных знаний, скоро будут – и должны быть – заменены разнообразными техническими средствами, не требующими физического присутствия студентов и преподавателей» [2, с. 131]. Однако он уверен, что остается «функция преподавателя как катализатора интеллектуальных событий – и эту функцию катализатора» [2, с. 131] Х. Гумбрехт связывает с необходимостью физического присутствия.

Технологии телеприсутствия возвращают реального человека, его присутствие, хотя и репрезентированное медиасредствами, в процесс коммуникации. В перспективе это позволит расширить не только возможности обучения, но и возможности творческого сотрудничества, совместного творческого поиска и проектирования. Эпоха «гринфилда» в образовании, на наш взгляд, может состояться только при взаимообусловленном развитии новой информационно-технологической платформы и ее антропологических оснований.

Список литературы

1. *Андрюхина Л. М.* Технологии телеприсутствия – новая креативная платформа развития образования [Электронный ресурс] / Л. М. Андрюхина // *Фундаментальные исследования*. Режим доступа: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10002134.

2. *Гумбрехт Х.* Производство присутствия. Чего не может передать значение / Х. Гумбрехт. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. 180 с.

3. *Ключкин А.* Разум нас богато. Как изменить мир и заставить миллионы полюбить алгебру [Электронный ресурс] / А. Ключкин. Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2013/05/20/mooc>.

4. *Конанчук Д. С.* Эпоха «гринфилда» в образовании / Д. С. Конанчук, А. Е. Волков; Центр образовательных разработок Московской школы управления СКОЛКОВО. Москва, 2013. 50 с.

5. *Lombard M.* At the heart of it all: The concept of presence / M. Lombard, T. Ditton [Electronic resource] // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1997. № 3 (2). Retrieved October 20, 2003. Access mode: <http://www.ascusc.org/jcmc/vol3/issue2/>.

6. *Study:* MOOC students are highly educated, job-oriented [Electronic resource]. Access mode: <http://www.thedp.com/article/2013/11/new-penn-study-moocs-far-from-revolutionizing-higher-education>.